

вы согласитесь с такой постановкой вопросов, решение которых — наша общая коллективная задача и ответственность! (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Лигачев**. Товарищи! Таким образом, доклад окончен. Возможно, у кого-нибудь будут вопросы? Пожалуйста. Нет вопросов? Если вопросов нет, то нам надо посоветоваться.

Горбачев. У товарища Ельцина есть вопрос.

Председательствующий т. **Лигачев**. Тогда давайте посоветуемся. Есть нам необходимость открывать прения?

Голоса. Нет.

Председательствующий т. **Лигачев**. Нет.

Горбачев. У товарища Ельцина есть какое-то заявление.

Председательствующий т. **Лигачев**. Слово предоставляется т. Ельцину Борису Николаевичу — кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю Московского горкома КПСС. Пожалуйста, Борис Николаевич.

Ельцин. Доклады, и сегодняшний, и на 70-летие, проекты докладов обсуждались на Политбюро, и с учетом того, что я тоже вносил свои предложения, часть из них учтена, поэтому у меня нет сегодня замечаний по докладу, и я его полностью поддерживаю.

Тем не менее я хотел бы высказать ряд вопросов, которые у меня лично накопились за это некоторое время работы в составе Политбюро.

Полностью соглашаюсь с тем, что сейчас очень трудности большие в перестройке и на каждого из нас ложится большая ответственность и большая обязанность.

Я бы считал, что прежде всего нужно было бы перестраивать работу именно партийных комитетов, партии в целом, начиная с Секретариата ЦК, о чем было сказано на июньском Пленуме Центрального Комитета партии.

Я должен сказать, что после этого, хотя и прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы Секретариата Центрального Комитета партии, стиля работы товарища Лигачева.

То, что сегодня здесь говорилось, Михаил Сергеевич говорил, что недопустимы различного рода разносы, накачки на всех уровнях, это касается хозяйственных органов, любых других, допускается именно на этом уровне, это в то время, когда партия сейчас должна как раз взять именно революционный путь и действовать по-революционному. Такого революционного духа, такого революционного напора, я бы сказал, партийного товарищества по отношению к партийным комитетам на местах, ко многим товарищам не чувствуется. Мне бы казалось, что надо: делай уроки из прошлого, действительно сегодня заглядывай в те белые пятна истории, о которых сегодня говорил Михаил Сергеевич, надо прежде всего делать нам выводы на сегодняшний день. Надо прежде всего делать выводы в завтрашнее. Что же нам делать? Как исправлять, как не допускать то, что было? А ведь тогда просто дискредитировались ленинские нормы нашей жизни, и это и привело к тому, что они потом, впоследствии, ленинские нормы, были просто в большей степени исключены из норм поведения жизни нашей партии.

Я думаю, что то, что было сказано на съезде в отношении перестройки за 2—3 года — 2 года прошло или почти проходит, сейчас снова указывается на то, что опять 2—3 года, — это очень дезориентирует

людей, дезориентирует партию, дезориентирует все массы, поскольку мы, зная настроения людей, сейчас чувствуем волнообразный характер отношения к перестройке. Сначала был сильнейший энтузиазм — подъем. И он все время шел на высоком накале и высоком подъеме, включая январский Пленум Центрального Комитета партии. Затем, после июньского Пленума ЦК, стала вера какая-то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит. Конечно, в том дело, что два эти года были затрачены на разработку в основном этих всех документов, которые не дошли до людей, конечно, и обеспокоили, что они реально ничего за это время и не получили.

Поэтому мне бы казалось, что надо на этот раз подойти, может быть, более осторожно к срокам провозглашения и реальных итогов перестройки в следующие два года. Она нам дастся очень и очень, конечно, тяжело, мы это понимаем, и даже если сейчас очень сильно — а это необходимо — революционизировать действия партии, именно партии, партийных комитетов, то это все равно не два года. И мы через два года перед людьми можем оказаться, ну я бы сказал, с пониженным авторитетом партии в целом.

Я должен сказать, что призыв все время принимать поменьше документов и при этом принимать их постоянно больше — он начинает уже просто вызывать и на местах некоторое отношение к этим постановлениям, я бы сказал, просто поверхностное, что ли, и какое-то неверие в эти постановления. Они идут одно за другим. Мы призываем друг друга уменьшать ли институты, которые бездельничают, но я должен сказать на примере Москвы, что год тому назад был 1041 институт, после того, как благодаря огромным усилиям с Госкомитетом ликвидировали 7, их стало не 1041, а 1087. За это время были приняты постановления по созданию институтов в Москве. Это, конечно, противоречит и линии партии, и решениям съезда, и тем призывам, которые у нас друг к другу есть.

Я думаю, что еще один вопрос. Он непростой, но здесь Пленум, члены Центрального Комитета партии, самый доверительный и самый откровенный состав, перед кем и можно, и нужно сказать все то, что есть на душе, то, что есть и в сердце, и как у коммуниста.

Я должен сказать, что уроки, которые прошли за 70 лет, — тяжелые уроки. Были победы, о чем было сказано Михаилом Сергеевичем, но были и уроки. Уроки тяжелых, тяжелых поражений. Поражения эти складывались постепенно, они складывались благодаря тому, что не было коллегиальности, благодаря тому, что были группы, благодаря тому, что была власть партийная отдана в одни-единственные руки, благодаря тому, что он, один человек, был огражден абсолютно от всякой критики.

Меня, например, очень тревожит — у нас нет еще в составе Политбюро такой обстановки, в последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо. Именно сейчас, когда закладываются самые демократические формы, отношения принципиальности друг к другу, товарищеского отношения и товарищества друг к другу. Это недопустимо. Высказать критику в лицо, глаза в глаза, это — да, это нужно. А не увлекаться славословием, что постепенно, постепенно опять может стать «нормой». Мы этого допустить просто не можем. Нельзя этого допустить.

Я понимаю, что сейчас это не приводит к каким-то определенным уже, недопустимым, так сказать, перекосам, но тем не менее первые какие-то штришки вот такого отношения есть, и мне бы казалось, что, конечно, это надо в дальнейшем предотвратить.

И последнее. (Пауза.)

Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другие, может быть, и отсутствие

некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии.

Горбачев. Наверное, далее мне удобнее вести заседание.

Лигачев. Да, пожалуйста, Михаил Сергеевич.

Горбачев. Товарищи, я думаю, серьезное у товарища Ельцина выступление. Не хотелось бы начинать прения, но придется сказанное обсудить.

Хочу повторить основные моменты заявления. Первое. Товарищ Ельцин сказал, что надо серьезно активизировать деятельность партии и начинать это следует с Центрального Комитета КПСС, конкретно с Секретариата ЦК. Замечания в этой связи были высказаны Егору Кузьмичу Лигачеву.

Второе. Ставится вопрос о темпах перестройки. Утверждается, что назывались сроки перестройки два-три года. Отмечается, что такие сроки ошибочны, это дезориентирует людей, ведет еще больше к сумятице в обществе, в партии. Положение чревато такими последствиями, которые могут погубить дело.

Третье. Уроки мы извлекаем из прошлого, но, видимо, с точки зрения товарища Ельцина, не до конца, поскольку не созданы механизмы в партии, на уровне ЦК и Политбюро, которые бы исключали повторение серьезных ошибок.

И, наконец, о возможности продолжить свою работу в прежнем качестве. Товарищ Ельцин считает, что дальше он не может работать в составе Политбюро, хотя, по его мнению, вопрос о работе первым секретарем горкома партии решит уже не ЦК, а городской комитет.

Что-то тут у нас получается новое. Может, речь идет об отделении Московской парторганизации? Или товарищ Ельцин решил на Пленуме поставить вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желание побороться с ЦК. Я так понимаю, хотя, может, и обостряю.

Садись, садись, Борис Николаевич. Вопрос об уходе с должности первого секретаря горкома ты не поставил: сказал — это дело горкома партии.

Вот, собственно, все, кроме твоего возражения, будто я неправильно тебя понял, что ты ставишь вопрос и перед ЦК о своей работе в качестве секретаря горкома партии.

Правильно я интерпретировал в сумме твои высказывания, товарищ Ельцин?

Давайте обменяемся мнениями, товарищи. Вопросы, думается, поставлены принципиальные.

Это как раз тот случай, когда, идя к 70-летию Великого Октября, и этот урок надо извлечь для себя, для ЦК и для товарища Ельцина. В общем, для всех нас.

В этом вопросе надо разобраться.

Пожалуйста, товарищи. Кто хочет взять слово?

Члены ЦК знают о деятельности Политбюро, политику оценивают, вам видней, как тут быть. Я приглашаю вас к выступлениям, но не настаиваю. Если из членов Политбюро кто-то хочет взять слово, то я, естественно, предоставляю. Пожалуйста.

Товарищи, кто хочет выступить, поднимите руку.

партии, член ЦК уже несколько пятилетий, и вот что мне сейчас вспомнилось... Как мы Вас уважаем, Борис Николаевич! Мы с Хрущевым, например, в полтора раза быстрее справились. А тут вот такая демократия — мы Вам все внушаем, внушаем. (Смех.) Так можно довшушаться, и вообще Вы забудете, о чем тут разговор — критикуют Вас или хвалят. Вы же шли к такой трибуне и споткнулись. Тут же Политбюро. Вы сами кандидат в члены Политбюро и спотыкались специально, чтобы зацепить товарищей. Видимо, Вы хотели все-таки прорваться в члены Политбюро. Это мое мнение личное.

Я Вас очень уважал, Борис Николаевич, и сейчас уважаю, но мне жаль, что Вы так здорово политически подвихнулись сегодня.

Рабочий класс никогда не подведет Коммунистическую партию, Центральный Комитет, Политбюро, Секретариат, мы всегда будем преданы и верны вам, дорогие товарищи. Спасибо. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. **Горбачев**. Борис Николаевич, у тебя есть что сказать? Давай.

Хоть и критикует нас т. Затворницкий, но дадим тебе слово еще раз.

Ельцин. Суровая школа сегодня, конечно, для меня за всю жизнь, с рождения, и членом партии, и в том числе работая на тех постах, где доверяли Центральный Комитет партии, партийные комитеты.

Сначала некоторые уточнения. Что касается перестройки, никогда не дрогнул и не было никаких сомнений ни в стратегической линии, ни в политической линии партии. Был в ней уверен, соответственно проводил вместе с товарищами по бюро, по городскому комитету партии эту линию. И если назвал волнообразной, волнообразной с точки зрения как-то отношения людей, то это касается периода между январским и июньским Пленумами Центрального Комитета партии. Не потому, что не знаем людей, слишком часто бываем, очень часто бываем, не слишком, но очень часто бываем в коллективах, самых разных, сотнях коллективов, поэтому знаем людей, знаем их настроение.

И когда после январского Пленума, как и после съезда, был большой всплеск, такой эмоциональный, политический, идеологический и настроения, хороший всплеск. И это продолжалось и после июньского Пленума ЦК, но вскоре вслед за июньским Пленумом Центрального Комитета партии мы стали замечать, что настрой несколько меняется. Но мы объяснили это тем, что июньский Пленум ЦК — сложный Пленум, он сложный для понимания с точки зрения экономических вопросов, что здесь, конечно, не просто проведение самого Пленума, а нужно большую проводить разъяснительную работу для того, чтобы как-то еще дальше поднять людей. И вот, видимо, по нашей вине мы допустили такой определенный спад, и я ни в коем случае не обобщал и не говорил это в целом по стране и по партии, говоря только о Московской организации.

Дальше, когда стали разъяснять, проводить эту работу, мы почувствовали снова некоторый, так сказать, подъем, поэтому я за краткостью и сказал, что в общем-то это процесс волнообразный, с точки зрения реакции людей, и наверное, нельзя рассчитывать на то, что он будет постоянно только круто вверх идти, какие-то будут определенные, может быть, и спады, и об этом говорилось.

В отношении единства. Нет, это было бы кощунственно, и я это не принимаю в свой адрес, что я что-то хотел вбить клин в единство Центрального Комитета, Политбюро. Ни в коем случае я это не имел в виду, как, между прочим, и в отношении членства Политбюро. Есть моя записка, где прямо четко сказано, что мое мнение это (она год тому назад была), что я считаю, что первые секретари территориальных комитетов партии не должны быть членами Политбюро, а должны быть, ну если уж

только кандидатами, поскольку, будучи членами Политбюро, они выводятся как бы из зоны критики со всеми последующими последствиями, что мы видели, так сказать, на своих глазах по ряду регионов страны.

В отношении славословия. Здесь опять же я не обобщал и не говорил о членах Политбюро, я говорил о некоторых, речь идет о двух-трех товарищах, которые, конечно, злоупотребляют, по моему мнению, иногда, говоря много положительного. Я верю, что это от души, но тем не менее, наверное, это все-таки не на пользу общую.

В отношении...

Горбачев. Борис Николаевич...

Ельцин. Да.

Горбачев. Ведь известно, что такое культ личности. Это система определенных идеологических взглядов, положение, характеризующее режим осуществления политической власти, демократии, состояние законности, отношение к кадрам, людям. Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны тебе организовывать здесь?

Ельцин. Нет, сейчас уже не надо.

Горбачев. Сейчас вся страна втягивается в русло демократизации. И в реформе главное — демократизация, ибо такие ее элементы, как новый хозяйственный механизм, связанный с самостоятельностью предприятий, развитием инициативы, направлены на укрепление чувства хозяина у людей. То есть в конце концов речь идет о развитии демократизации. И после этого обвинить Политбюро, что оно не делает уроков из прошлого? А разве не об этом говорилось в сегодняшнем докладе?

Ельцин. А между прочим, о докладе, как я...

Горбачев. Да не между прочим. У нас даже обсуждение доклада отодвинулось из-за твоей выходки.

Ельцин. Нет, я о докладе первым сказал...

Голоса. О себе ты заботился. О своих неудовлетворенных амбициях.

Горбачев. Я тоже так думаю. И члены ЦК так тебя поняли. Тебе мало, что вокруг твоей персоны вращается только Москва. Надо, чтобы еще и Центральный Комитет занимался тобой? Уговаривал, да? Правильно товарищ Затворницкий сделал замечание. Я лично переживаю то, что он вынужден был сказать тебе в глаза. Но не жалею, что этот разговор, начатый тобой, на Пленуме состоялся. Хорошо, что он состоялся.

Надо же дойти до такого гипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашего дела! И это тогда, когда мы находимся на таком ответственном этапе перестройки. Надо же было навязать Центральному Комитету партии эту дискуссию! Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке.

Скажи по существу, как ты относишься к критике?

Ельцин. Я сказал, политически как я отношусь к этому.

Горбачев. Скажи, как ты относишься к замечаниям товарищей по ЦК. Они о тебе многое сказали и должны знать, что ты думаешь. Они же будут принимать решение.

Ельцин. Кроме некоторых выражений, в целом я с оценкой согласен. То, что я подвел Центральный Комитет и Московскую городскую организацию, выступив сегодня,— это ошибка.

Горбачев. У тебя хватит сил дальше вести дело?

Голоса. Не сможет он. Нельзя оставлять на таком посту.

Горбачев. Подождите, подождите, я же ему задаю вопрос. Давайте уж демократически подходить к делу. Это же для всех нас нужен ответ перед принятием решения.

Ельцин. Я сказал, что подвел Центральный Комитет партии, Политбюро, Московскую городскую партийную организацию и, судя по оценкам членов Центрального Комитета партии, членов Политбюро достаточно единодушным, я повторяю то, что сказал: прошу освободить и от кандидата в члены Политбюро, соответственно и от руководства Московской городской партийной организацией.

Горбачев. Прежде чем перейти к существу вопроса, я лишь скажу вот о чем. У нас сегодня важный Пленум Центрального Комитета партии. Поскольку товарищи отреагировали прежде всего на выступление товарища Ельцина, осталось невыясненным отношение членов ЦК к докладу, его выводам и положениям. Поэтому я предлагаю сейчас вернуться к докладу, который был представлен Пленуму ЦК от имени Политбюро. Это главная тема сегодняшнего заседания.

Доклад, как вы могли убедиться, касается многих принципиальных вопросов. Он в течение многих месяцев работы действительно «выстрадан» Политбюро, представляет углубленный анализ нашей истории, а также перспектив развития социализма с учетом мировых тенденций. Поэтому я должен сначала задать вопрос: как вы относитесь к докладу?

Голоса. Положительно. (Аплодисменты.)

Горбачев. Если, товарищи, у вас возникли на слух какие-то поправки или идеи, высказывайте. Разумеется, на Пленуме представлен не сам доклад на Торжественном заседании. Доклад впереди, но основные идеи, положения туда войдут. Поэтому, если есть сомнения или предложения, прошу обращаться к товарищам Яковлеву, Лигачеву, ко мне. Мы замечания учтем.

Есть замечания, товарищи?

Голоса. Нет, согласны.

Горбачев. Если нет замечаний по докладу, я вношу такое предложение:

Первое. Одобрить основные положения доклада на совместном Торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

И второе. Поручить выступить с докладом Генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву.

Другие есть предложения?

Голоса. Нет.

Горбачев. Согласны, товарищи?

Голоса. Согласны.